

АЛИСА АРДОВА

ГОСПОДИН МОИХ НОЧЕЙ
ТОМ 1

ГОСПОДИН МОИХ НОЧЕЙ
ТОМ 2

АЛИСА АРДОВА

ГОСПОДИН
МОИХ
НОЧЕЙ

ТОМ 2

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А79

Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Ардова, Алиса.

А79 Господин моих ночей. Том 2 / Алиса Ардова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-186206-0

Высшие маги не терпят лжи. Теперь мне это точно известно.

Что еще я знаю о высших? Гордых, самоуверенных, сильных. Что знаю о том, с кем подписала договор, кому отдала не только свои ночи, но и сердце? Многое. И... почти ничего.

Успокаивает одно — в моей жизни тоже немало тайн, и если Айтон считает, что все их разгадал, то очень ошибается.

«Он — твой», — твердил мне фамильяр.

А вдруг это правда?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186206-0

© Ардова А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Айтон улыбался, нагло подглядывая за мной из-под опущенных ресниц.

Нет, он, конечно, делал вид, что совсем-совсем не смотрит, как я и просила. «Видишь же, лисичка, даже глаза закрыл, вот какой я послушный...» Но его выдавала улыбка — открытая, озорная, предвкушающая.

При мысли о том, что мужчине сейчас приходит в голову, щекам вмиг стало жарко. Я так и не разучилась краснеть в его присутствии. Потом подключилось моё собственное воображение, рисуя картины одна другой бесстыднее и откровеннее. Пальцы задрожали, и я окончательно запугалась в платье, которое спешно на себя натягивала.

— Айт, — запыхтела сердито. — Ты же обещал не шпионить.

А этот высший, он... он ещё и рассмеялся.

— Ну прости, лисёнок... Прости.

Быстро поднялся на ноги и через мгновение уже стоял за моей спиной.

Расправил одежду, развернул лицом к себе и открытому окну, из которого лился яркий свет. Я словно утонула в солнечных лучах, даже невольно зажмурилась. А Айтон тем временем заботливо, нарочито медленно, застегнул пуговички на лифе. Осмотрел дело рук своих, подмигнул лукаво и снова улыбнулся, так щемяще нежно, что у меня сердце остановилось.

— Ты прекрасна, — выдохнул он. Обнял, зарылся лицом в волосы. — Это выше моих сил — не наблюдать за тобой. Не могу оторваться ни на миг. — Горячий поцелуй обжёг висок, за ним ещё один... и ещё... — Я так соскучился.

— Я тоже, — шепнула, с удовольствием подставляя лицо и шею настойчивым ласкам.

— Скучаю каждое мгновение, когда тебя не вижу, — последовало очередное признание, от которого по телу разлилось приятное тепло. — Не хочу больше расставаться... Никогда... Не хочу...

— И я... Знаешь, мне вдруг показалось, что потеряла тебя навсегда. Я так испугалась... Я...

— Ш-ш-ш... Всё прошло, найтири. Прошло, и уже не вернётся.

Потянулась к нему, обхватила за шею, прижалась, и Айтон с коротким стоном накрыл мои губы своими.

Поцелуи... Жгучие, лихорадочные, пылкие... Томительные, неторопливые, самозабвенно-страстные... Я плавилась, растекалась невесомым сияющим облаком под этими прикосновениями. Уносились высоко-высоко и исчезала там, в небесной синеве за окном.

Высший опомнился первым. Отстранился, осмотрел моё платье, снова полностью расстёгнутое, свою растерзанную рубашку...

— Мне кажется, легче раздеться, чем в очередной раз всё это застегивать, — выдал с преувеличенной серьёзностью.

— Угу...

Губы горели от поцелуев, язык заплетался, поэтому я была немногословна. Но полностью и безоговорочно согласна со своим мужчиной.

— Давай никуда не пойдём, лисёнок? Ну их всех... как-нибудь обойдутся и без нас. А мы закроемся на сто тысяч магических замков, снимем все эти тряпки

и прикажем не тревожить нас как минимум неделю.
В душ вместе ходим для начала, м-м-м?

— Заманчиво, — мурлыкнула я. — А еду где возьмём?

— Хвича попросим, — беспечно отмахнулся Айтон. — Он обязательно сжалится над нами, что-нибудь раздобудет и принесёт.

— Я соглас...

— Р-р-р, — раздалось за окном протестующее.

Мы переглянулись и дружно прыснули.

— Бдит, — уважительно прокомментировал вышший.

— Весь в тебя. Тоже любитель подглядывать.

— Нет, он деликатнее. Я подсматривал, а он только подслушивает.

За окном зашуршали, затоптались и снова возмущённо рыкнули:

— Опаздываете... Нельзя...

О, теперь ещё и крыльями захлопали. Всё, пропала клумба. Опять садовник придёт жаловаться на горгула.

— Не получится остаться, — вздохнула огорчённо. — Хвич точно будет против. Заморит нас голодом в отместку. А уж если и Мишь к нему присоединится... Против этих двоих нам не устоять.

— Тогда... — Айтон снова привлёк меня к себе. — Быстро ходим и вернёмся. У нас вся ночь впереди... Много-много бесконечных ночей и дней. Вся наша жизнь...

— Да. — Я прильнула к нему, щурясь от счастья. — Вся жизнь...

* * *

Меня качнуло из стороны в сторону, резко подбросило, ударило обо что-то твёрдое, и я открыла глаза, пытаюсь сообразить, что происходит. Хватило не-

скольких мгновений, чтобы все вспомнить, и я, стиснув зубы, откинулась на спинку сиденья.

— Эли? — пробился сквозь отдающийся в висках грохот сердца тревожный голос мамы. — С тобой всё в порядке?

— Да, не волнуйся, мам, — выдавила из себя улыбку, стараясь, чтобы она не походила на оскал. — Просто я ещё не проснулась.

Сон... всего лишь сон. Наваянные усталостью и дремотой грёзы. Комната, утопающая в солнечном свете, беззаботный Айтон, сердитый Хвич, поцелуи и наш разговор — ничего этого никогда не было и, судя по всему, уже не будет.

В реальности всё обстояло совершенно иначе. Тяжёлое расставание, поспешный отъезд, больше похожий на бегство, запылённая дорожная карета, ухабы и долгое путешествие из столицы в имение.

Мимо проплывал бесконечный лес — однообразная картина, успевшая за время пути уже изрядно надоеть. Я безучастно смотрела в окно, ни на чём не останавливая взгляд, и мыслями находилась очень далеко отсюда.

Странное видение всё никак не желало отпустить. До сих пор казалось, что я слышу щебет птиц, клёкот Хвича, запах цветов, ощущаю, как тёплые солнечные лучи гладят кожу. Никогда раньше у меня не было таких ярких, отчётливых снов.

Поёрзала на сиденье, устраиваясь поудобнее. Несмотря на многочисленные подушки, которыми выложили нашу повозку, отбитые бока нещадно болели. Мы уже отъехали достаточно далеко от столицы, и тракт, всё ещё широкий, стал заметно хуже. Никто не запрещал нам чаще останавливаться и разминаться, но я не собиралась задерживаться дольше необходимого. Прочь отсюда, как можно скорее и дальше. От Кайнаса, от нашего дома на тихой зелёной улочке и от Айтона.

Айтон...

Я старалась не думать о нём, дав себе слово поскорее забыть всё, что связано с прежней жизнью. И днём это почти удавалось. Но ночью и в краткие мгновения вот такого забытья высший вновь и вновь упрямо приходил ко мне.

Чаще всего снилась наша последняя встреча. Его несправедливые упреки, сторающие в воздухе листы договора, исчезающий с запястья нхоран и мои слова. То, что я ему сказала на прощание, врезалось в память до последнего звука...

Вот я опускаю уже совершенно чистую от любых рисунков руку, выпрямляюсь — до боли, до хруста в спине. На миг закрываю глаза, в которых больше нет слез, и произношу...

— Наверное, это уже не имеет значения, но всё-таки хочу, чтобы ты знал. Я не предавала тебя. Не помогала герцогу ли Норду. Не продавала кольцо. Я его просто-напросто потеряла. Представь себе, и такое иногда случается. Да, я не донесла на родного отца. А ты бы донёс? И вывела бывшего жениха из города. Только в этом я и виновна.

Я останавливаюсь, облизываю пересохшие губы. Айтон молчит, не шевелится, спрятавшись за тенью, которые окружают мага так плотно, что я уже не вижу его лица. Но я всё равно продолжаю:

— Ты говорил, что не переносишь лжи, а сам обманывал, позволив поверить, что не знаешь моего настоящего имени. Не доверял мне с самого начала, не поверил и сейчас. Даже не пожелал выслушать. Слова невесты значат для тебя неизмеримо больше всех моих клятв.

Мой голос почти дрожит, но я не позволяю отчаянию подняться на поверхность. После того как исчезла метка, меня окутало странное спокойствие, граничащее с безразличием. Вот пусть пока так и остаётся.

— Ты сделал свой выбор, Айтон. Надеюсь, тебе не придётся о нём жалеть... Прощай...

У меня ещё хватает сил развернуться и в полной тишине покинуть зал. Я даже не понимаю, куда иду. Хорошо, что меня вовремя перехватывают и провожают к выходу...

Не помню, как тогда добралась домой, как объяснялась с обеспокоенной мамой и Уной. Потом попросила меня не беспокоить, ушла в свою комнату, закрылась, упала на кровать и слепо уставилась в потолок.

Не представляю, сколько бы я так пролежала, если бы не маги. Они пришли ближе к вечеру и коротко, чётко сообщили, что на сборы нам дается день. После завтра утром мы обязаны навсегда покинуть Кайнас.

Это известие вырвало меня из нездорового оцепенения, заставило двигаться и хоть чем-то заняться. За ночь и день предстояло сделать очень многое, но прежде...

— Нэсса! — Я закрыла за лагорцами дверь и схватила за руку пытавшуюся прошмыгнуть мимо меня невестку. — Кольцо... Это ты его взяла?

— Что? Как тебе только в голову такое пришло?! — взвизгнула женщина, некрасиво кривя рот. — Я герцогиня, а не воровка. Да и зачем мне эта дешёвка? Её и за медяк не каждый купит. Да я... Да ты...

Чем дольше она распялялась и громче кричала, чем старательней избегала встречаться со мной взглядом, тем больше я уверялась в её вине. У меня было время подумать, сопоставить, и сейчас я окончательно убедилась, что подарок Айтона украла именно она. Не знаю, зачем, кому она его отдала, и спрашивать не стану. Всё равно не признается. Да это уже и не важно.

Я смотрела на красную от злости Нэссу и вдруг поймала себя на том, что больше не чувствую к ней ничего. Ни ненависти, ни жалости. Одно лишь брезгливое недоумение. Если бы не племянник...

— Значит, так. — Я сделала шаг вперёд, прерывая её возмущённые стенания, и невестка поспешно отбежала, почти отпрыгнула назад. — Поговори со своим... покровителем. Если тебе разрешат здесь остаться, дом в твоём распоряжении. Я дам денег. Немного, но, если распорядиться ими с умом и экономить, на первое время хватит. Потом Талим подрастёт, и метка у тебя есть... Справишься. Если не позволят задержаться в столице, мы отвезём тебя к родителям. Всё равно это по пути. С нами в имение ты не поедешь.

— Но... — вскинулась женщина.

— Это всё. — Я даже не стала слушать, что она собирается сказать. — Выбирай.

Невестка побагровела ещё больше, несколько мгновений стояла, хватая воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба, а потом выскочила из дома и громко хлопнула дверью.

Вернулась она через несколько часов, тихая, какая-то присмиревшая. Глядя в пол, буркнула, что решила ехать к родным, и побежала к ребёнку.

Я только плечами пожала и тут же забыла о ней, занявшись сборами в дорогу.

Огромный рыдван подъехал к дому, едва рассвело. Не знаю, кто его нанимал и обустроивал, не думаю, что кто-то из высших лично этим занимался, но сделано все было так, чтобы мы путешествовали с удобством. Насколько это, разумеется, возможно. Высокий, просторный экипаж, удобные, мягкие сиденья, множество подушек и подушечек — под голову, под шею, под спину, несколько пледов и мягких шкур, чтобы укутывать ноги.

— Доброго утра, госпожа Бэар, и вам, госпожа Бэар-старшая, и вам тоже... Гм... Прекрасный денек сегодня. А вы нас никак покидаете?

Не успели мы сойти с крыльца, как поблизости, будто из-под земли, возник Зак Сетнер. И откуда он взялся,

Сахтар его пожри? Улица же только что была совершенно пуста. Неужели за углом караулил?

Сзади нервно закашлялась Нэсса. Я покосилась на невестку: она шла рядом со мной не поднимая глаз, а на щеках её алел лихорадочный румянец.

— Так куда же вы собрались, позвольте полюбопытствовать? — не отставал мясник.

На губах — глумливая усмешка, в глазах — плохо скрытое торжество, словно Заку известен какой-то унижительный для меня секрет, но ему строго-настро-го велели молчать и он изо всех сил сдерживается, чтобы не выдать тайну. И такая злость меня взяла, что само собой невольно вырвалось:

— Да вот, мы тут дворец недавно приобрели загородный. Переезжаем.

Нэсса издала какой-то невнятный возглас, но, хвала Каари, промолчала.

Улыбка Сетнера моментально выцвела и сползла с лица. Он обвёл ошарашенным взглядом большую дорожную карету, суровых охранников, терпеливо дожидających, когда мы приблизимся, и затоптался на месте.

— Раз так, то конечно, — зачистил растерянно. — Дворец — он всяко приятнее городского-то дома. Да и ребёночку на природе полезно. Ну, прощайте, госпожа Бэар. Не поминайте, как говорится, лихом. Пресветлая даст, свидим...

Он ещё что-то бормотал, но я уже не слушала.

Нам помогли погрузить весь наш нехитрый скарб — несколько сундуков, пару корзин, посадили каждую по очереди в повозку, подали люльку с Талимом, захлопнули дверь, и экипаж тронулся. Мимо проплыло недоуменное лицо Сетнера, из окон высовывались любопытные соседи, кое-кто даже за калитку выско-чил. Я кивнула нескольким из них, прощаясь, а потом задёрнула со своей стороны штору, отсекая себя ото всех, кого оставляла здесь.

Прощай, Кайнас...

— Все будет хорошо, солнышко, вот увидишь. — Мама мягко взяла меня за руку.

— Конечно, будет. Даже не сомневайся, детка, — подхватила сидевшая рядом Уна. — Съешь лучше яблочко. Вот, держи. Смотри, какое спелое.

Уна...

Как мы с мамой ни настаивали, чтобы она осталась с Толлой в столице, как ни уговаривали, что это для неё удобнее и безопаснее, успеха так и не добились. Позже и сама хозяйка «Гнездышка» к нам присоединилась, пытаясь убедить сестру, что без её помощи в заведении ну никак не справиться. Уна была непоколебима.

— Если я вас сейчас в беде брошу, никогда себе не прощу, — отрезала она, поставив тем самым в разговоре точку.

Так что ехали мы вчетвером, вернее впятером, если считать малыша Талима, мирно спавшего в своей переносной кровати.

Невестка почти всё время молчала, мрачно уставившись в окно, отвлекалась только на то, чтобы покормить, перепеленать и покачать сына. На стоянках держалась поодаль и первая никогда не подходила. Впрочем, её настроение меня не волновало. Я знала, что родители Нэссы живы-здоровы, благополучно успели доехать до своего поместья, и война, кстати, их почти не коснулась. Об этом мне ещё несколько недель назад сообщил Айтон. Я сразу же передала невестке слова высшего, но её известие о родне оставило равнодушной. Судя по всему, прозябать в провинции не входило в её планы. Она надеялась остаться в Кайнасе, вместе с сыном, которого, по её твёрдому убеждению, ждало в столице блестящее будущее.

Дальнейшая жизнь Нэссы меня уже не интересовала, а вот судьба племянника беспокоила. Как при-

мут маленького тёмного родные? Кто проведёт церемонию имянаречения?

Мама первой не выдержала, спросила об этом и услышала в ответ, что Нэсса обо всём договорилась и жрец Сахтара совершит обряд на месте. Вот и хорошо. Значит, и этот вопрос решён.

Останавливались мы редко, ночевали или в маленьких придорожных гостиницах, или, если не удавалось, прямо в повозке, на шкурах.

Наши сопровождающие — то ли охранники, то ли тюремщики, а скорее всего, и то и другое — особой разговорчивостью не отличались, но всегда вели себя неизменно вежливо, предупредительно и помогали по первой просьбе. Высших среди них, благодарение Каари, не было — четыре мага, включая старшего всей группы, лэйра Виаста, и конный воинский отряд. Достаточно грозная сила, чтобы не бояться ни разбойников, ни дезертиров, промысляющих в это непростое время на дорогах и трактах.

Мы спокойно двигались вперёд, удаляясь дальше и дальше от Кайнаса. Деревни встречались всё реже, гостиницы тоже, кругом, насколько хватало глаз, простирался бесконечный лес.

Я долго размышляла, говорить маме о том, что отец жив, или нет, и всё-таки пока не стала этого делать. По многим причинам.

Там, в Кайнасе, во время сборов, нашлись более важные и срочные дела, сейчас же рядом постоянно кто-то находился. Уна, Нэсса... А на стоянках за нашими спинами моментально возникали лагерцы, ненавязчиво, но бдительно следя, чтобы мы не отходили слишком далеко. Уединиться, поговорить по душам, откровенно и подробно, не имелось никакой возможности. Да и не хотелось мне сейчас вспоминать ни о герцоге ли Норде, ни о лорде Айтоне. Слишком всё свежо и болезненно.

Вот вернёмся домой, придём в себя немного, тогда и побеседуем. Обо всём, что случилось в нашей жизни. Потом я найду ту книгу о высших, что спрятала где-то в имении леди ли Норд, и обязательно её прочитаю. От корки до корки. А если выяснится, что никакой рукописи нет, не отстану, пока не услышу правду. Всю. До конца.

За время маминой болезни я привыкла беречь её, не тревожить неприятными новостями. Взрослела, училась принимать самостоятельные решения. И мама, выздоровев, беспрекословно приняла моё главенство. Она любила меня, если понадобилось, отдала бы жизнь, но в трудной ситуации растерялась, оказалась не готова отвечать не только за себя — за всю нашу маленькую семью. Она всегда была тихой, уступчивой и никогда не прекословила мужу. В отличие от меня. Я вот уже умудрилась, глядя прямо в глаза герцогу ли Норду, отказать ему, сказав: «Нет». Наверное, характером пошла в отца...

А ещё я часто вспоминала Хвича. Знала, что он тоже ранен, но постепенно идёт на поправку — об этом мне сообщили наши сопровождающие, устав от настойчивых расспросов о фамильяре Айтона.

— Всё в порядке, не беспокойтесь. О нём есть кому позаботиться.

Вот и весь разговор.

Но я всё равно беспокоилась, мысленно пыталась звать — и его, и даже Миша, но фамильяры не откликались. Лишь горгуль иногда приходил во сне.

Снился он мне реже, чем высший, — раза два, не больше, и всегда это был один и тот же сон.

Хвич, бессильно опустив крылья и втянув голову в плечи, сидел в противоположном конце длинного узкого коридора и пристально смотрел на меня. Я звала его, что-то говорила, предлагала кровь, но он не откликался — всё такой же отрешённый, неподвижный